

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 132.2

ДИАЛОГ С ЗАПАДОМ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОМ РОМАНТИЗМЕ

Т.И. ЛИПИЧ¹
В.В. ЛИПИЧ²

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

¹*e-mail: lipich@bsu.edu.ru*

²*e-mail: lipich_v@bsu.edu.ru*

В данной статье рассматривается становление русского литературно-философского романтизма сквозь призму диалога России и Запада в первой половине XIX века. В художественном сознании русских поэтов-романтиков формировались новые смыслообразы самоидентификации личности, национального характера искусства. В отечественной культуре поиски «всеобщей истины» осуществлялись в рамках поэтико-эстетически-философского мировоззрения и были связаны с реинтерпретацией философско-эстетических идей немецкой классической философии в творчестве романтиков.

Ключевые слова: критический диалог, литературно-философский романтизм, интерпретация, философия, поэзия.

Литературно-философские связи русских поэтов с западноевропейской культурой I половины XIX века рассматриваются в современной гуманитарной науке недостаточно полно. Только начиная с конца восьмидесятых годов прошлого столетия, появляются глубокие и всесторонние исследования в этой области, при этом анализируются как в целом диалогические связи России и Запада, так и отражение этих связей в творчестве таких русских поэтов-романтиков, как А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Д.В. Веневитинова, Ф.И. Тютчева и других.

Диалог культур Германии и России в начале XIX века мог осуществляться в особом диалогическом пространстве – романтизме, как специфическом типе философско-эстетического и литературно-философского сознания, стиле литературно-художественного поведения, определяющего и особую форму самосознания личности. Известно, что ни одна национальная культура не развивалась и не развивается изолированно от других культур и не замыкается на только самой себе.

Русские романтики своеобразно интерпретировали немецкий опыт: в немецкой культуре поэзия выступала основой философии, а у русских – философия постепенно становилась героиней поэзии. Это положение было главным отличием художественного сознания русских романтиков.

Современные исследователи, в частности, М.Н. Виролайнен определяет эту эпоху как «словесно-мыслительную», в которой устанавливались «магические» связи слова с «непосредственным бытием»¹.

М.М. Бахтин в свое время отмечал: «Каждая мысль с самого начала ощущает себя репликой незавершенного диалога..., живет на грани с чужой мыслью, с чужим сознани-

¹ Виролайнен М.Н. Типология культурных эпох русской истории / М.Н. Виролайнен // Русская литература. – 1991. – № 1. – С. 4; 16.

ем»². Это в полной мере относится к диалогу двух культур России и Германии. Этот диалог способствовал возникновению и распространению литературно-философского романтизма. *Литературно-философский романтизм* представляет собой сложный, исторически и культурно-идеологически обусловленный, коммуникативный мировоззренческий феномен, порождающий систему литературно-эстетических и литературно-философских текстов и контекстов, обладающих связанностью и целесообразностью, в которых соединены принципы художественно-образного (нарративного) и философско-рефлексивного познания и осмысления мира и человека в различных языковых, творческих и коммуникативных практиках. Особенно такой тип романтизма проявился в не-философской среде, прежде всего, в русской литературе. Вершиной русского духа в мировой культуре явилась именно русская литература XIX века. Бесспорен тот факт, что мощное начало в литературе было положено в I половине XIX века, это начало во многом может быть охарактеризовано как романтическое мировосприятие. В чем же особенности этого мироощущения на русской почве? Чем можно объяснить взлет художественного творчества именно в этот период? Каковы контексты этой эпохи? Литература в XIX веке была умом, честью и совестью русской жизни, как совершенно справедливо отмечает Г.Д. Гачев.

Нельзя отрицать того факта, что русской литературе присущ христианский гуманизм, который особенно проявил себя в специфической форме светского искусства – в литературе. Почему же именно литература стала играть такую огромную роль в становлении и развитии русской культуры в I половине XIX века? На наш взгляд, одной из определяющих причин явилась оплодотворенность русской литературы философскими идеями, выраженными в немецкой классической философии.

Известно, что культура России I половины XIX века характеризуется особым интересом и отношением к немецкой классической философии в лице Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и многочисленных их учеников и последователей. Немецкая философия присутствует во всех областях культурной и духовной жизни России. Русский литературно-философский романтизм явился и началом, и результатом культурного диалога России и Запада, он положил начало глубокому, творческому диалогу равноправных культур, а литература и философия стали приобретать в этом диалоге ключевую роль. Только в тесном союзе философии и литературы происходило развитие, углубление поисков «всеобщей истины». Их взаимодействие осуществлялось по принципу дополняемости. Но как только такой союз начинал ослабевать, то начинали сходить на нет и духовные поиски истины, на место которой выдвигался утилитаризм и меркантилизм «массовой культуры», её эрзац-ценности. Можно сказать, что взлет русской литературы был предопределен во многом начавшимся культурным диалогом с Западом, был связан с творческой переработкой, переосмыслением и реинтерпретацией идей немецкой классической философии. В нашем представлении *реинтерпретация* – это уточнение, изменение и порождение нового смысла и значения первоначально осознаваемой и интерпретированной информации. На Западе литература предшествовала и питала своими идеями западную философию, зачастую в выражении национальной жизни «делила» лавры с ней, а русская литература, используя достижения западной философии, стояла перед формированием русской философии. Таким образом, есть основания утверждать, что в России литература XIX века свершила миссию философии.

В русской поэзии и прозе многие авторы обращаются к исследованию глубины человеческого бытия как при помощи веры, так и при помощи разума, вследствие чего их произведения можно назвать «философскими». На основании этого формируется художественное сознание русских поэтов-романтиков, чье творчество было примером и новизной уже сформировавшегося в России литературно-философского романтизма. Отличительной чертой поэтического художественного сознания в это время является метод реинтерпретации, который ярко проявлялся в творчестве русских романтиков. Этот метод представляет собой одновременное существование и отталкивание в поэтической традиции сложившегося художественного сознания. Русская литература смогла схватить, отрефлексировать идеи немецкой классической философии прежде всего потому, что

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин – М. 1963. – С. 55 – 56.

русское мировоззрение было к этому подготовлено русским православием. Гуманистическая идея в виде христианского разума, как одна из основных идей немецкой классики, предстает в творчестве наших писателей как идея всеобщего разума.

Подъем русской культуры проявился в этот период в стремлении познать христианского бога философски, что способствовало стремлению к познанию самих себя. И если Германия в начале XIX века вырабатывала диалектику мысли, как универсальную форму духовно-теоретического освоения бытия, то в России начинался процесс формирования диалектики души, как конкретно-всеобщего свойства русского духовного освоения бытия, как высшего соотношения художественной и рассудочно-логической мысли. Углубленный психологизм был закономерным для развития русской литературы. Необходимо отметить, что в начале XIX века психологизм понимался романтиками как особенность мышления поэта, который доверял свои сокровенные мысли своим героям и одновременно их анализировал. Психологизм как бы показывает тот путь, по которому идет и автор, и герой со своими не всегда предсказуемыми поступками. Интерес и обращение к внутреннему миру лирического субъекта можно отметить уже в сентиментализме Карамзина, как выражение индивидуальности, но у романтиков это приобретает вневличностный смысл, который связывается с эстетическими идеалами. Происходит своеобразная смена ценностных идеалов.

Русские писатели, фигурально говоря, дышали философским воздухом эпохи, поэтому их поэтическая мысль выполняла ту же роль, что и философская. «Философский пафос», «философский настрой» в русской литературе были основополагающими. Русские писатели в рамках своего художественного сознания демонстрировали глубокие философские размышления.

Известно, что немецкие романтики в своих произведениях часто обращались к европейской средневековой культуре, к Ренессансу, а русские романтики, в свою очередь, воспринимали эту культуру через призму немецкой эстетики.

Но вместе с тем, русская литература искала свой путь развития и нашла его в связи с философией. Благодаря устремлениям русской литературы появилась возможность решения эстетических проблем, которые были поставлены немецкой философской культурой. В.В. Кожин в своей статье «Немецкая классическая эстетика и русская литература»³ справедливо отмечал, что немецкая философская культура исчерпала возможности классической эстетики, поэтому дальнейшее развитие может совершаться только в художественной сфере. Русская литература стала своеобразным «отрицанием» немецкой философии культуры.

В первую очередь это относится к формированию и развитию художественного мировоззрения русской философской поэзии. Этот процесс связан напрямую с тем, что человек стремился осветить в эмоционально-образной форме сложнейшие вопросы бытия, освобождения личности, пробуждения человеческого в человеке. Исходя из этого, философская поэзия являлась своеобразным философским осмыслением и проникновением в глубины этого бытия, поэтому не зря один из первых представителей философской поэзии в России Д. Веневитинов восклицал: «Истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения»⁴. Философская поэзия, по своей сути, являлась результатом своеобразного диалога философии и литературы. Как справедливо констатировал М.М. Бахтин, «осознание самого себя все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, «я для себя» на фоне «я для другого»»⁵.

Вместе с тем, мы отмечаем, что при всей возможной близости внутреннего содержания в качестве формы воплощения и выражения духовного мира человека, философия и литература, а, следовательно, и поэзия, принадлежат к разным граням духовной жизни и духовного опыта, пользуются различными дискурсивными средствами: от образов, метафор, сравнений до смыслообразов, концептов и понятий. С одной стороны, поэзия мо-

³ Кожин В.В. Немецкая классическая эстетика и русская литература / В.В. Кожин / Традиции в истории культуры. – М.: 1978. – С.47-59.

⁴ Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Д.В. Веневитинов. – М., 1980. – С. 131.

⁵ Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. / М.М. Бахтин. – М., 1963. – С. 277.

жет быть абстрактной, рассудочной, а с другой – философский текст, в свою очередь, может быть образным. Но, тем не менее, принципиальные различия между двумя формами общественного сознания, между искусством и философией до конца не исчезают, не стираются, благодаря чему и происходит этот особенный диалог.

Философская поэзия проявляется в самых разнообразных формах и разной системой смыслов.

Мы согласны с мнением Е. Маймина, что термин «философская поэзия» неустойчив по своему значению и, взятый сам по себе, вне исторического контекста, в достаточной мере условен⁶. Такое понимание данного термина обусловлено закономерным изменением представлений о содержании предмета философии, о ее границах, а также степени постижения и трактовки творчества тех или иных поэтов. Мы считаем, что философскую поэзию в России необходимо рассматривать как особую форму литературно-философского романтизма, как один из истоков отечественной мысли, как равноправную с теоретической философской мыслью форму познания сущности бытия, и, прежде всего человека, а также как сферу духовной культуры, объединяющую философские идеи с индивидуальным духовным миром человека, его мироощущением.

Общей отличительной особенностью романтической философской поэзии является, прежде всего, рассмотрение общемировоззренческих вопросов через призму художественной интуиции. Это проявляется в том, что, *во-первых*, традиционная для литературы тема «человек и природа» преобразовывается в философской поэзии в более широкую – «человек и мир, человек и космос». *Во-вторых*, большое внимание уделяется осознанию проблемы человека, как частички мироздания и её связи с вечностью. *В-третьих*, очень важным в освещении таких мировоззренческих вопросов является религиозно-философский аспект: соотношение знания и веры, познаваемости мира, основ нравственности, вопрос о деянии и воздаянии, о границах свободы духа, о смертности и бессмертии человека. *В-четвертых*, философская поэзия могла в концентрированной форме выражать сущность эпохи, её философию и истории. Как справедливо отмечает И.Н. Сиземская, «поэт умеет в частных явлениях увидеть знаки общей сущности, он умеет читать эти знаки и понимать их смысл, выразить их на «крыльях поэтического вдохновения»⁷.

Ряд таких авторов, как Л.Я. Гинзбург, В.В. Кожин, В.И. Коровин, Е.А. Маймин, Б.В. Смиренский, Ю.В. Манн, И.Е. Усок, рассматривают философскую поэзию Любомудров с определенной точки зрения, но все сходятся на мысли, что все еще недостаточно уделяется внимания философским основам их творчества и связям с немецкой классической философией и эстетикой романтиков.

Ярким представителем философской поэзии, школы «поэзии мысли» был Д. Веневитинов. Белинский считал Веневитинова выдающимся явлением «мрачной эпохи». В. Зеньковский охарактеризовал его творчество как «внутреннее единство чувства и мысли», которое было у него по-настоящему глубоким. С Веневитинова и Любомудров начинается, как мы уже отмечали, интенсивное освоение достижений немецкой классической философии и в первую очередь Шеллинга. Веневитинов первым в «Обществе Любомудрия» выступал за связь философии и поэзии, о которой так красноречиво говорили немецкие романтики и Шеллинг.

При этом необходимо также отметить, что для Любомудров Шеллинг был первым философом, провозгласившим эстетическую сферу жизни одной из главнейших. В отличие от него Веневитинов, по мнению А. Хомякова, начинает новую эпоху в русской поэзии, где «красота формы уступает первенство красоте и возвышенности содержания». Этот пример в полной мере подтверждает мысль о том, что русские романтики не шли слепо по стопам их немецких собратьев. Вместе с тем, в своих поисках Веневитинов творчески усваивает достижения разных направлений в русском романтизме: от элегической лирики Жуковского, высокой героики поэзии декабристов, пушкинского вольнолюбия до

⁶ Маймин Е.А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры: А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев/ Е.А. Маймин. – М., 1976. – С. 3.

⁷ Поэзия как жанр русской философии: Антология {Текст} / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Сост. И.Н. Сиземская. – М., 2007. – С. 8.

поэтической философии поэтов «немецкой школы». В его поэтическом мире соединяются крайние противоположности, которые не уничтожают друг друга, а проясняют и дополняют друг друга. Все явления поэт изучает, дает им оценку, после чего извлекается урок творчества, с которым сопоставляются собственные поэтические идеи. И все это происходит очень стремительно, этим и определяется тот весьма существенный разрыв, который намечается у Веневитинова и его немецких источников. Его поэзия – это своеобразное выражение его философии.

Шеллингианская натурфилософия, которую еще называли «мифологией природы», являла собой картину вечного самодвижения жизни, связи всех явлений и сложнейшей борьбы противоречий и потому стала для Любомудров почти неисчерпаемым источником поэтических образов. Не зря же И. Киреевский в свое время писал, что природа для них является способом иносказания. Веневитинов считал, что познать тайны природы может только поэт, так как саморазвитие природы совпадает с движением поэтического сознания, романтическая диалектика природы сливается с поэзией. Постепенно в творчестве Веневитинова меняется роль поэта, который предстает уже не бунтарем и мечтателем, а мыслителем и провидцем, созерцателем природы и её исследователем, который творчески познает законы бытия, времени и пространства.

Характеризуя позицию Веневитинова, Белинский писал: «Один только Веневитинов мог согласить мысль с чувством, идею с формой, ибо из всех молодых поэтов пушкинского периода он один обнимал природу не холодным умом, а пламенным сочувствием силою любви мог проникнуть в её святилище»⁸.

Несколько позже, в 1826 году, его стихи приобретают определенную социальную направленность. Тема свободы, которая наиболее была характерна для немецких романтиков, у него переходит в тему волюнтаризма, выражающуюся в сочувствии декабристам.

Молодой Веневитинов считал, что главным достоинством любого художника является сила мысли и сила чувства, которые проявляются как в отношении к природе, так и в борьбе с самим собой, предрассудками. Но если немецкие романтики являлись больше мечтателями в освещении этих проблем, то для Веневитинова «самодеятельная сила развития», по выражению Белинского, была определяющей в его философской поэзии. В его творчестве ряд стихотворений посвящено теме любви. Но в отличие от немецких романтиков, Веневитинов не останавливается на описании любовного чувства, оно у него приобретает характер философских раздумий о мире, о человечестве. При этом он размышляет о некоторых нравственных проблемах, о том доступно ли человеку счастье? И отвечает на этот вопрос таким образом, что человеку высокого, поэтического склада этого достичь невозможно. Этим размышлениям посвящены и другие стихи поэта, о творчестве которого Н.Г. Чернышевский сказал, что если бы он прожил дольше, то поднял бы русскую литературу до новых вершин. Веневитинов искал свой путь, в отличие от Фихте, утверждавшего что «философствовать – значит не действовать», и в отличие от идеалиста Шеллинга, исключавшего возможность активных действий людей, он выступал за связь философии и действительности.

Веневитинов также в полной мере осознавал вечную текучесть жизни, связанную с человеческой жизнью, с его душой. Бытие он познавал при помощи «сжатого» творческого слова, поэтому *диалог жизни и поэзии* в нем слились воедино. Это была одна из важнейших особенностей литературно-философского мировоззрения русских романтиков. Другой особенностью явилось стремление Веневитинова и Любомудров создать «*поэтическую философию*», основанную на правильной системе разработанных идей и представленную в разнообразных текстах, погруженных в речевые и культурно-коммуникативные практики. У Веневитинова мы видим своеобразный подход: сначала нужно создать национальную философию, а потом уже на её основе строить свою собственную культуру, в том числе и философскую поэзию, где будет место и разуму, и чувствам. К сожалению, полностью осуществить задуманное он не смог, поэтому те реформы поэзии, в которых он только успевает обозначить основные направления дальнейшего движения, продолжили его друзья Любомудры, в частности, С.П. Шевырев, который, ре-

⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т. – Т. 5 / В.Г. Белинский. – М., Изд-во АН СССР, 1954. – С. 562.

интерпретировав шеллингианские идеи, предложил свой путь построения новой поэзии, основанной не на гармонии, а на дисгармонии, особенно в области создания языка. Он считал, что неотъемлемым признаком глубины поэзии должны стать темнота, тяжело-весность, дисгармоничность. Отчасти эти идеи были поддержаны А. Хомяковым, но А.С. Пушкин относился к этому весьма скептически.

Другим ярким представителем «поэзии мысли» был Е.А. Боратынский, который близко сходится в начале 30-х годов с Любомудрами, И. Киреевским, В. Одоевским и А. Хомяковым. Характеризуя Боратынского, Пушкин, а вслед за ним и Белинский, отмечали, что он принадлежит к числу самых лучших поэтов эпохи, его стихи весьма оригинальны, так как он самостоятельно мыслит, а чувствует глубоко и сильно. Боратынский разделял увлечение Любомудров шеллингианством, что отчетливо и продемонстрировал в таких своих стихотворениях, как «Смерть», «На смерть Гёте» и др.

Таким образом, мы видим, что поэт понимает всеобщую связь предметов и явлений. Он уделяет внимание природе, но она для него выступает не только источником вдохновения. Постепенно Веневитинов понимает, что природа проявляет себя по отношению к человеку равнодушной или враждебной силой. Существование человека в сравнении с природой является жалким и ничтожным. Этот разлад в осознании человеком природы в конечном итоге переходит в покорность судьбе, и в этой покорности появляется маленькая надежда обретения если уж не счастья, то хотя бы покоя.

Творчество Боратынского, справедливо отмечает В. Кожин, – «в полном и глубоком смысле трагедийно, а подлинная трагедия всегда содержит в себе не только стихию гибели, но и её преодоление. В самых «мрачных» стихах Боратынского остается живой и торжествует его мощная мысль, – этот, по его слову, «острый луч», несущий в себе и добро, и красоту»⁹. Боратынский говорил, что всякий писатель мыслит, следовательно, он уже является философом. Поэтому поэт рекомендовал своим современникам по литературному цеху особо обращать внимание на философию, в большей степени на немецкую, которая имела большой успех в России того времени. Он считал себя романтиком, поэтому на протяжении всего его творчества можно отметить противопоставление живой непосредственности чувства холодной и сухой рассудочности. Это противопоставление у Боратынского появляется в виде «мысли», «истины» и их роли в жизни человека и поэзии.

Так же как и многие Любомудры, Боратынский принимает позицию резкой критики современной ему западной цивилизации, культуры, с её пренебрежением духовными ценностями. Поэт говорит о надвигающейся гибели всего человечества. В стихотворении «Осень» он размышляет не только над осенью как временем года в природе, но и общечивилизационной осени в судьбе всего человечества. Творческая мысль Боратынского была направлена в будущее, в отличие от немецких романтиков, устремляющих свой взгляд в прошлое. Он верил, как и славянофилы, в будущее России, считая, что его у неё больше, чем у кого бы то ни было. В его творчестве личное тесно переплетается с общественным. Так же, как и у других русских романтиков, у Боратынского прослеживается глубокая мысль об основах мироздания и откровениях человеческой души. В то время, когда в России складывалась своя национальная философия, что очень тонко почувствовал Боратынский, им была высказана глубокая и вызывающая национальную гордость мысль: «Русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить»¹⁰.

Таким образом, будучи романтиком, старательно оберегающим свою оригинальность, Боратынский невольно в диалоге с эпохой, соотносил себя с ней, более того, его творчество было своеобразным итогом воздействия «воздуха» этой эпохи, он творил как бы «на грани культур». В его поэзии отразилось не только движение «отвлеченной мысли», но и её нравственное значение, так как поэт считал, что стихи служат для того, чтобы доказывать «высокую моральность мышления».

Большой вклад в разработку поэтического литературно-философского мировоззрения внес Ф.И. Тютчев. Его романтическая поэзия вобрала все основные характеристики

⁹ Кожин В. Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра / В. Кожин. – М.: Современник, 1978. – С. 100.

¹⁰ Боратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. / Е.А. Боратынский. – М., ГИХЛ, 1951. – С. 351.

русского романтизма, начиная с В.А. Жуковского и К.Н. Батюшкова. Тютчев долгие годы прожил в Германии, поэтому не испытывать на себе влияние немецкой культуры, в частности, Шеллинга, с которым был лично знаком, естественно, не мог. Но насколько глубоко было это влияние? Мы понимаем, что поэзия Тютчева – это не вариации на тему шеллингианской философии. Вместе с тем, философская поэзия Тютчева глубоко национальна и самобытна, несмотря на то, что она принадлежит к так называемой «немецкой школе». Исходя из этого, мы вправе сказать, что Тютчев вел плодотворный критический диалог с немецкой идеалистической философией. Объективный идеализм Шеллинга, его «философия тождества» были реинтерпретированы и творчески переработаны Тютчевым еще в 20-х годах XIX века. Это способствовало формированию у Тютчева ряда концептов понимания мира, в которые включалась вся вселенная в её пространственно-временной бесконечности. Эта бесконечность носила у Тютчева замкнутый характер. Животворящим началом бесконечности у Шеллинга является Абсолют, который сам себе тождественен и объективирует себя в самых разных ипостасях бытия, начальной стадией которого является природа, состоящая из различных, связанных между собой частей, поэтому шеллингианское учение о природе, её становлении и развитии как необходимым моменте в самообъективации, самореализации Абсолюта и воплощении его в духе, в разуме для Тютчева приобретает особое значение. Исходя из своих философских построений, Шеллинг считал, что природа и разум существуют в Абсолюте, сливаются с ним воедино, а познающий субъект их одновременно обнаруживает. Шеллинг считал, что природа не чужда разуму, а весь мир духовен. Поэтому переход от природы к духу происходит в движении – от бессознательной духовности к духовности ясного сознания, то есть природа в своем бессознательном творческом стремлении порождает дух. Поэтому, делает вывод Шеллинг, природа и есть пробуждающийся «видимый дух», «душа мира». Исходя из этого, природа у него есть не что иное как «поэзия духа», которая к тому же не лишена разумности, следовательно, она может сама себя познавать. Эта позиция Шеллинга была воспринята Тютчевым и нашла свое отражение в написанном в Германии стихотворении «Не то, что мните вы, природа»:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик –

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык...

В приведенной цитате как примере понятийно-теоретического концепта «природа» можно отметить и диалектику, и движение, и дыхание, происходящие в самой природе. Эта мысль Тютчева вполне созвучна шеллингианской, утверждающей, что у Природы есть душа, которая и составляет её сущность. Природа и разум, составляющие вместе единую систему, развиваются диалектично. Они и тождественны друг другу, и различны, их противоположение воплощается, по мнению Шеллинга, в «деятельность», поэтому природа «абсолютно деятельна». «Природа довольствуется сама собой... природа является законодательницей для себя самой»¹¹. В процессе своей деятельности она создает свою противоположность – постигающий её сущность разум. Поэтому, в представлении Шеллинга, мир природы возникает в результате борьбы противоположностей, но «творцом» движения все-таки является Абсолют, Бог, который имеет свое завершение в человеке, особенно в художнике, творце, поэте. Деятельность творчески одаренной личности и свободна, и подчинена Абсолюту. Процесс развития природы, разума, порожденных Абсолютом, пройдя все стадии своего развития, завершаются в произведении художника, который отражает в нем не мир вещей, а мир идей Абсолюта. Поэтому все противоречия, возникающие на этом пути, снимаются в Абсолюте, который познает сам себя в собственном стремлении к совершенству. Он как бы примиряет все противоречия, которые становятся тождественными. Воплощением такого тождества становится произведение искусства, в котором творец обретает самого себя, а само произведение является полным завершением пути мирового духа, Абсолюта. Полностью выразить изначально присущую духу идею способен только художник, поэт, творческая личность.

¹¹ Шеллинг Ф.В.И. Первый набросок системы натурфилософии для лекций / Ф.В.И. Шеллинг // Философские науки. – 1973, №1. – С. 130.

Тютчев, как и другие русские романтики, выделил в философии Шеллинга ряд идей, которые были созвучны его мировоззрению: это идея тождества противоположностей, которая воплощается у него в творческом воображении, в мечте. Поэтому-то так притягателен для Тютчева и романтиков мир грез, воображаемый мир художественных образов. Идея Шеллинга о духовности природы реализуется у романтиков, в том числе и у Тютчева, в идею абсолютного совершенства, величия природы, которую познавать может только художник, отсюда абсолютизация роли художника, поэта. Эти общие идеи преломлялись в его поэтическом литературно-философском сознании в виде системы смыслов, выраженных в бинарных смыслообразы, которые представляют собой в духовной форме соединение понятийного и образного содержания, каждый из которых являлся своим «инобытием», своим «другим»: бытие – небытие, бытие – хаос, природа – человек, жизнь – смерть, день – ночь. Смыслообразы, как особый тип обобщений, такие как мир, вся действительность у Тютчева имели своё двойное воплощение, так как есть бытие действительности, а есть духовное бытие, поэтому природа у него в своей основе духовна, и эта духовность вполне реальна.

Во многом по-разному трактовали Тютчев и Шеллинг концепт «времени». Если у Шеллинга время – это «откровение одной стороны мирового духа в её целом»¹², и поэт должен отобразить в своем творчестве существование вещей, находящихся в вечном потоке времени, то у Тютчева восприятие времени проявляется весьма остро: это и нечто бесконечное, не имеющее границ, это и конкретное его проявление. В движении времени, несущем вечное обновление природы, человек чувствует себя незащищенным, обособленным. По мнению Тютчева, время, приближающее конец жизни и пространство, разъединяющее людей – это те силы, которые заставляют человека чувствовать хрупкость всего в жизни. В ряде своих стихов, например, «О, время, погоди!», поэт высказывает мысль о том, что хотел бы остановить время.

Большое внимание Тютчев уделяет бинарным оппозициям «жизнь – смерть». И здесь он следует диалектике Шеллинга, но вместе с тем, и вносит свои существенные изменения. Если у идущего за Шеллингом Жуковского жизнь человека только миг, лишенный счастья, то у Тютчева человеческая жизнь не только трагична, но и призрачна, она есть только человеческое дневное, представление. А подлинное бытие – есть бытие ночное, так как только во сне человек соприкасается с таинственным миром, с Вселенной.

Поэтическое сознание Тютчева – это особая система смыслов, связанных с культурной ментальностью и выражающаяся в размышлениях о человеке, бьющимся над решением важнейших проблем своего существования. Творчески воспринимая философские идеи своего времени, он в тоже время выражал свое романтическое видение действительности поэтически. Это проявлялось в том, что романтик изображает мир, отраженный в конкретной личности, в личности поэта, когда реалист изображает личность, находящуюся в реальном мире. Здесь необходимо отметить, что некоторые исследователи, например, Л.Я. Гинзбург, анализируя концепт личности у Тютчева, приходят к выводу, что если для романтиков характерна абсолютизация или даже гипертрофия личности, то Тютчев в своих стихах осуждает «самовластье человеческого «Я». Л.Я. Гинзбург отмечает, что антииндивидуалистическая позиция зародилась еще в недрах немецкого романтизма у Ф. Шлегеля. Антииндивидуалистические идеи позднего Шеллинга, считает исследовательница, оказали «решающую» роль в становлении антииндивидуалистической позиции Тютчева, а также славянофилов. Так, в стихах, посвященных личности Наполеона, у Тютчева и Хомякова развенчиваются те черты, которые были объектом поклонения для многих романтиков – дерзкое стремление по-своему вершить судьбы мира, своеволие. Но мы должны отметить, что и Тютчев, и славянофилы, и вся русская «философская поэзия» как явления русской культуры возникли не потому, что в Германии романтиками и Шеллингом были провозглашены эти идеи, а в силу самостоятельного внутреннего развития русской культуры, хотя и Шеллинг, и Гегель, и немецкие романтики во многом стимулировали, ускоряли её развитие, служили неким катализатором её бурного движения.

В целом, для философской поэзии Тютчева характерно стремление познать основы мироздания, сложный духовный мир личности, её глубину, трагизм её существования,

¹² Шеллинг Ф.В.И. Философия искусства. – М., Мысль, 1966. – С. 146.

что было характерно для всех романтиков, но то, как это воплощалось у Тютчева, не было ни у кого.

В формате рассматриваемой проблемы необходимо, на наш взгляд, коснуться также и философской поэзии А.С. Пушкина. Следует отметить, что хотя аналитических работ, рассматривающих творчество Пушкина, написано огромное количество, но специальных исследований, посвященных как его философской поэзии, так и связям поэта с западно-европейской культурой, на самом деле не так уж и много. Рассматривая философскую поэзию Пушкина, мы стремились анализировать её в историческом и литературном контексте эпохи, в соотнесении с общим движением литературно-философской мысли 20-40-х годов XIX века. Именно в этот период Пушкиным написаны такие глубоко философские произведения, как «Дар напрасный, дар случайный», «Воспоминание», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Медный всадник», «Борис Годунов», а также цикл стихов о поэте и поэзии, о предназначении художника. Все пушкинские творческие поиски по созданию философской поэзии были исторически обусловлены теми общими задачами, которые стояли и перед Любомудрами, и перед другими яркими представителями русской культуры. По утверждению Д.М. Урнова, Пушкин оказывается в русле важнейших идейных и эстетических исканий своей эпохи и стремится уяснить себе достижения европейской мысли. Хотя Пушкин «не принял ни духа немецкой философии, ни точек зрения ее, однако его ум стал работать в направлении тех же вопросов, которые философия от Шеллинга до Шлегеля ставила»¹³.

Конечно, непосредственные творческие контакты Пушкина с немецкой романтической поэзией и философией были крайне ограничены, да и знание немецкого языка было у него недостаточным, чтобы принести весомые плоды. Многие произведения немецкой философии и литературы он знал по французским переводам. Большую роль в знакомстве Пушкина и других русских романтиков с культурными достижениями Запада сыграл В.А. Жуковский. Достаточно вспомнить и ближайших друзей Пушкина – Дельвига и Кюхельбекера, которые ориентировались на немецкие литературно-эстетические традиции. Огромное влияние в 1816-1820-х годах оказывал на Пушкина Чаадаев, лично знавший Шеллинга и многих других немецких философов и писателей. Главное заключалось в том, отмечает В.И. Сахаров, что «идеи романтического шеллингианства, если можно так выразиться, носились в воздухе, очень часто воспринимались опосредованно, в передаче или пересказе ... и далеко не всем нашим писателям был известен источник этих распространённых и влиятельных идей»,¹⁴ когда воздействие осуществляется «не только прямо, непосредственно, но и через общее движение эстетической мысли и литературы»¹⁵. Помня о восприимчивости натуры Пушкина, о его феноменальной памяти, о жадной любознательности, с которой он следил за всеми новинками литературы, о его дружеских связях с виднейшими литераторами своего времени, трудно предположить, что он остался бы в стороне от «носившихся в воздухе идей», более того, что эти идеи не подверглись бы его внимательному и глубокому осмыслению.

Пушкин, с одной стороны, говорит, что «ненавидит и презирает» немецкую метафизику – потому что она толкает на путь отвлеченного философствования и отвращает от исследования непрерывно движущегося конкретного бытия, а с другой – поэт сознает глубину мысли, свойственную немецкой идеалистической философии, и скрытые в ней возможности теоретического познания. Кроме того, можно говорить и о диалоге Пушкина и Канта, с его концепцией «целесообразности без цели», Пушкина и Гете, Пушкина и Вагнеродера, Пушкина и йенских романтиков, но в целом, этот диалог происходил в рамках художественной философии романтизма и был связан с осмыслением бытия жизни человека, с устремленностью к его темным сторонам и болезненным проявлениям человеческой природы, а также с осмыслением роли искусства, роли поэта и поэзии и т. д. Поэтому, мы считаем, что речь следует вести не о возрождении идей йенских романтиков, а об использовании их достижений для обобщения и систематизации опыта отечественного и мирового романтизма. Этот диалог помог Пушкину и русским романтикам

¹³ Урнов Д.М. Пушкин и Шекспир / Д.М. Урнов: автореф. дис. ... к. филол. наук. – М., 1966. – С. 9.

¹⁴ Сахаров В.И. «Под сенью дружных муз...»: О русских писателях-романтиках / В.И. Сахаров. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 124.

¹⁵ Вопросы методологии литературоведения. – М.-Л, 1966. – С. 245.

очертить границы своего художественного самовыражения, выявить отличие своего Я от Я немецких романтиков.

Романтизм, как преемник многих философских идей немецкой классики, сыграл огромную роль в формировании пушкинского поэтического языка, его эстетической составляющей, хотя известно, что специальных трактатов по эстетике Пушкин не писал. Вместе с тем, он не следовал моде того времени изъясняться философскими терминами не потому, что старался избегать каких-либо философских систем, а потому, что сторонился легкомысленных и необоснованных притязаний на философичность.

В целом, можно сказать, что в творчестве А.С. Пушкина шел внутренний диалог с европейской культурой. Этот диалог был разомкнут в будущее и способствовал становлению русской национальной литературы и философии.

Исходя из этого, можно сделать следующие выводы: русский литературно-философский романтизм формировался в результате критического диалога культур России и Германии. В художественном сознании русских поэтов-романтиков формировались новые смыслообразы самоидентификации личности, национального характера искусства. В русской культуре поиски «всеобщей истины» осуществлялись в рамках поэтико-эстетически-философского мировоззрения и связаны были с реинтерпретацией философско-эстетических идей немецкой классической философии в творчестве поэтов-романтиков.

Список литературы

1. Виролайнен М.Н. Типология культурных эпох русской истории / М.Н. Виролайнен // Русская литература. – 1991. – № 1. – С. 4; 16.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин – М. 1963. – С. 55 – 56.
3. Кожин В.В. Немецкая классическая эстетика и русская литература / В.В. Кожин // Традиции в истории культуры. – М.: 1978. – С.47-59.
4. Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Д.В. Веневитинов. – М., 1980. – С. 131.
5. Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. / М.М. Бахтин. – М., 1963. – С. 277.
6. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. / Е.А. Маймин. – Поэты-любомудры: А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев. М., 1976. – С. 3.
7. Поэзия как жанр русской философии: Антология {Текст} / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Сост. И.Н. Сиземская. – М., 2007. – С. 8.
8. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т. – Т. 5 / В.Г. Белинский. – М., Изд-во АН СССР, 1954. – С. 562.
9. Кожин В.В. Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра / В.В. Кожин. – М.: Современник, 1978. – С. 100.
10. Боратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. / Е.А. Боратынский. – М., ГИХЛ, 1951. – С. 351.
11. Шеллинг Ф.В.И. Первый набросок системы натурфилософии для лекций / Ф.В.И. Шеллинг // Философские науки. – 1973, №1. – С. 130.
12. Шеллинг Ф.В.И. Философия искусства / Ф.В.И. Шеллинг. – М., Мысль, 1966. С. 146.
13. Урнов Д.М. Пушкин и Шекспир / Д.М. Урнов: автореф. дис. ... к. филол. наук. – М., 1966. – С. 9.
14. Сахаров В.И. «Под сенью дружных муз...»: О русских писателях-романтиках / В.И. Сахаров. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 124.
15. Вопросы методологии литературоведения. – М.-Л, 1966. – С. 245.

DIALOGUE WITH THE WEST IN THE RUSSIAN LITERARY AND PHILOSOPHICAL ROMANTICISM

T.J. LIPICH¹¹

V.V. LIPICH²¹

Belgorod State National Research University

¹¹*e-mail: lipich@bsu.edu.ru*

²¹*e-mail: lipich_v@bsu.edu.ru*

This article deals with the Russian literary and philosophical romanticism formation through a prism of dialogue of Russia and the West in the first half of the XIX century. New semantic images of self-identification of the personality and national nature of art were formed during this period in art consciousness of the Russian romantic poets. Searches of "general truth" in the Russian culture were carried out in a framework of poetic - esthetic and philosophical outlook and were connected with reinterpretation of philosophical and esthetic ideas of the German classical philosophy in the work of romantic poets.

Key words: critical dialogue, literary and philosophical romanticism, interpretation, philosophy, poetry.